

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ РЕЛИГИОЗНЫХ КОНЦЕПТОВ В ДНЕВНИКЕ ТАРАСА ШЕВЧЕНКО

НАТАЛИЯ ПОДДУБНАЯ

Харьковский национальный педагогический университет имени Г.С. Сковороды

Украинский языково-литературный факультет им. Г.Ф. Квитки-Основьяненко

Кафедра украинского языка

ул. Алчевских, 29, 61002, г. Харьков, Украина

e-mail: piddubna-n@mail.ru

(получено 26.08.2016; принято 07.09.2016)

Abstract

Verbalization of religious concepts in Taras Shevchenko's diary

The article is devoted to the chosen aspects of the verbalization of the concept sphere 'religion' in Taras Shevchenko's diary. Such concepts as 'Christianity', 'priest' or 'church' are analyzed, which allows to draw conclusions about Shevchenko's attitude towards religion. The diarist respects the Christian religion for its ideas of charity and forgiveness, which is verbalized by the usage of the lexeme *христианский* (*Christian*) as a contextual synonym to the adjective *свободный* (*free*) introducing meanings of 'brotherly love', 'humanity' and 'equality' in the text. The poet understands the word *христианин* (*a Christian*) in his own way and associates it with 'decency', 'kindness', 'purity of thoughts' and 'sincerity'.

Even though Shevchenko highly estimated religion, faith and Christianity, he was critical of the Russian Orthodox Church. He considered it one of the tsar's tools in internal policy and therefore used the lexeme *православный* (*orthodox*) with irony in order to verbalize such senses as 'imperfection', 'mercilessness' and 'cruelty'. Shevchenko's attitude towards religious practices is ambiguous – the poet experiences a wide range of feelings – from delight to disappointment. The diarist uses certain lexemes to nominate temples. Sometimes they are employed to verbalize negative meanings such as 'unreal', 'histrionic', 'unfamiliar', 'contradictory', 'intolerable', which is connected with the imperial meaning of Byzantinism. Shevchenko's diary abounds in names of

priests used with ironic-negative connotation, which resembles the traditional image of the clergy in the Ukrainian linguistic culture.

Key words

Diary, verbalization, concept, concept sphere 'religion', religious concept, religious vocabulary, linguistic personality.

Резюме

Статья посвящена исследованию некоторых аспектов вербализации концептосферы 'религия', в частности анализируется специфика вербализации концептов 'христианство', 'священник', 'церковь' в дискурсе дневника Тараса Шевченко, что позволяет более полно и объективно изучить специфику его восприятия религии. Диарист исповедует христианскую религию, целиком воспринимая свойственные ей идеи милосердия и всепрощения, а вербализатор соответственного концепта, лексема *христианский*, выступает в его дискурсе контекстуальным синонимом к прилагательному *свободный*, внедряя в текст смыслы 'братолюбие', 'человечность', 'равенство'. Поэт по-своему понимает значение слова *христианин*, актуализируя прежде всего такие его смыслы, как 'порядочность', 'доброта', 'чистота помыслов', 'искренность'.

Высоко оценивая религию, веру, христианство, Шевченко критически относился к русскому православию, считая его одним из механизмов царской внутренней политики, поэтому лексема *православный* употребляется с коннотацией иронии и вербализацией смыслов 'несовершенство', 'немилосердие', 'жестокость'. Шевченко неоднозначно оценивает религиозные сооружения, которые вызывают в его душе широкий спектр чувств – от восторга до разочарования. Для номинации храмов используется определенная система лексем, однако, употребляя некоторые из них, Шевченко вербализует отрицательные смыслы ('ненастоящий', 'наигранный', 'чужой', 'противоречивый', 'недопустимый'), что связано с его восприятием имперского значения византизма. Дневник Шевченко изобилует наименованиями священников с актуализацией иронично-отрицательных коннотаций, что абсолютно не противоречит сложившимся в украинской лингвокультуре представлениям о традиционном образе священнослужителя.

Ключевые слова

Дневник, вербализация, концепт, концептосфера 'религия', религиозный концепт, религиозная лексика, языковая личность.

Интерпретация языка дневников – необычайно ценный материал для понимания внутреннего мира писателя, его истинного «я», описания особенностей

его языковой личности. Именно поэтому в последнее время все активнее исследуются дневники известных деятелей искусства, литературы, политики.

Языковые особенности дневника Тараса Шевченко, или, как он сам его называл, *Журнала*, неоднократно были предметом научных исследований. Одна из фундаментальных работ последнего времени – монография Татьяны Космеды *Ego i Alter Ego Тараса Шевченка в комунікативному просторі щоденникового дискурсу*¹.

Поскольку в литературоведении по-разному трактуется вопрос отношения Шевченко к религии, изучение вербализации ключевых религиозных концептов в его *ego*-текстах, в частности в дневниковых записях, позволит более полно и объективно осознать особенности его внутреннего восприятия религии.

Отметим, что в писательском дневнике наиболее часто вербализуется система концептов, непосредственно входящих в концептосферу 'религия'. Среди них выделим прежде всего концепты 'Бог', 'христианство', 'религия', 'церковь', 'священник'. Некоторые из них и стали предметом данного исследования.

Шевченко высоко ценил христианскую религию за свойственные ей идеи милосердия и всепрощения, что следует из его дневниковых записей, в частности касающихся обряда захоронения самоубийц, характерного для уральских казаков. Он сравнивает специфику течения русского и украинского обряда:

В дни поминовения усопших [...] выносят и посыпают его [самоубийцы] могилку хлебным зерном, [...] чтобы птицы клевали это зерно и молили Бога о отпущении грехов несчастному. Какое **поэтическое христианское поверье**. За моей памяти в Малороссии на могилах самоубийц совершался **обряд не менее поэтический и истинно христианский**. Может ли быть чище, возвышеннее, богоугоднее молитва, как молитва о душе нераскаявшегося грешника? **Религия христианская, как нежная мать, не отвергает** даже преступных детей своих, за всех **молится** и всех **прощает** [жирный шрифт авторский. – Н.П.]².

Смыслы 'искренность', 'милосердие', 'любовь' актуализированы в лексеме *христианский*, что, в частности, прослеживаем в тексте письма к графу Ф. Толстому (оно включено в *Журнал*). Указанная лексема вступает в синонимические отношения с прилагательным *человеколюбивый*, ср.: «Без вашего **человеколюбивого, христианского** участия в моей безотрадной судьбе меня задушили бы в этой широкой тюрьме, в этой бесконечной безлюдной пустыне»³. Приведем еще один пример аналогичного употребления, ср.:

За эту острогу Аракчеев сослал его [Лабзина] в Симбирск, где он и умер на руках моей почтенной собеседницы. Мне приятно было слышать, что этот замечательный мис-

¹ Т.А. Космеда. *Ego i Alter Ego Тараса Шевченка в комунікативному просторі щоденникового дискурсу*. Дрогобич: Коло, 2012.

² Т. Шевченко. *Кобзар. Вперше зі щоденником автора*. Упоряд. та комент. С.А. Гальченка; передм. І.М. Дзюби. Харків: Книжковий клуб «Клуб сімейного дозвілля», 2015, с. 685.

³ Там же, с. 696.

тик-масон до самой могилы сохранил независимость мысли и **христианское незлобие** [жирный шрифт авторский. – Н.П.]⁴.

В дневнике Шевченко лексема *христианский* является также контекстуальным синонимом прилагательного *свободный*, при этом вербализуются смыслы ‘братолюбие’, ‘человечность’, ‘равенство’, ср.:

Великое это начало [отмена крепостного права. – Н.П.] благословлено епископом и открыто речью военного губернатора Н.А. Муравьева, речью не пошлою, официальной, а **одушевленною, христианскою, свободною** речью. Но банда своекорыстных помещиков не отозвалась ни одним звуком на человеческое святое слово [жирный шрифт авторский. – Н.П.]⁵.

Однако поэт критически относится к каким-либо кривотолкам Божьих истин, проявлениям религиозного фанатизма или ханжества. Например, иронически-отрицательную окраску приобретают фразеологическая единица *христолюбивое воинство* и выражения *христолюбивое звание*, *христолюбивое сословие*, используемые для характеристики солдат, тогда как *христолюбивый* (церковное устаревшее) – преданный христианской вере. *Христолюбивое воинство* (официальное церковное торжественное «наименование армии», дореволюционное)⁶, ср. у Шевченко:

В детстве, сколько я помню, меня не занимали солдаты, как это обыкновенно бывает с детьми. Когда же я начал приходить в возраст разума вещей, во мне зародилась неодолима антипатия к **христолюбивому воинству**. Антипатия усиливалась по мере столкновения моего с людьми сего **христолюбивого звания**. Не знаю, случай ли, или оно так есть в самой вещи, только мне не удалось, даже в гвардии, встретить порядочного человека в мундире. [...] И нужно же было коварной судьбе моей так ядовито, так злобно посмеяться надо мною, толкнув меня в самый вонючий осадок этого **христолюбивого сословия** [жирный шрифт авторский. – Н.П.]⁷.

Шевченко глубоко симпатизирует христианству, однако внутренне протестует против сведения его только к слепому поклонению церковным атрибутам. Он актуализирует в дневнике слова из Библии: «Вера без дел мертва есть»⁸. Христианин для поэта – это не тот, кто только посещает церковь, а тот, кто соблюдает Христовы заповеди, является образцом моральности и человечности, напр.:

Я хотел войти в самую церковь, как двери растворились и вышла пышно, франтовски разодетая барыня, уже не совсем свежая, и, обратясь к нарисованному чудовищу, три раза набожно и кокетливо перекрестилась и вышла. Лицемерие! Идолопоклонница! [...] И одна ли она? [...] Где же **христианки**? Где **христиане**? Где бесплотная идея доброты

⁴ Там же, с. 750–751.

⁵ Там же, с. 778.

⁶ Д.Н. Ушаков. *Толковый словарь русского языка*. [Online:] <<http://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=84087>> (01.08.2016).

⁷ Т. Шевченко. *Кобзар. Вперше зі щоденником автора...*, с. 650–651.

⁸ Там же, с. 669.

и чистоты? Скорее в кабаке, нежели в этих обезображенных животных капищах [жирный шрифт авторский. – Н.П.]⁹.

Таким образом, прослеживаем актуализацию таких смыслов лексемы *христианин*, как 'порядочность', 'доброта', 'чистота помыслов', 'искренность'.

Анализ показывает, что отрицательно коннотировано существительное *христианин*, употребляемое в *Журнале* для именованя царя Николая I в качестве приложения-оксюморона *палач-христианин*, ср.: «Август-язычник, ссылая Назона к диким гетам, не запретил ему писать и рисовать. А **христианин** Н[иколай] запретил мне и то и другое. Оба палачи. Но один из них **палач-христианин?**» [жирный шрифт авторский. – Н.П.]¹⁰.

Лексема *православный* как один из вербализаторов концепта 'христианство' в исследуемом дневнике употребляется в значениях, зафиксированных в словаре С.И. Ожегова: «1. Православный, -ая, -ое. 1. см. православие. 2. православный, -ого, м. Последователь православия. Церковные обряды православных. П ж. православная, -ой»¹¹. Например: «Она бывшая немка, а теперь **православная**»¹².

Среди православных верующих как во времена Шевченко, так и сейчас это слово часто приобретает дополнительные смыслы, а именно: 'истинный', 'правильный', не фиксируемые словарями (*православный поступок, православное воспитание* и др.). В *Журнале* встречаем употребление этой лексемы с оттенком иронии в случае вербализации смыслов 'несовершенство', 'немилосердие', 'жестокость', напр.: «Солдаты – самое бедное, самое жалкое сословие в нашем **православном отечестве**»¹³; «До прибытия моего в Орскую крепость я и не вообразал о существовании этих гнусных исчадий нашего **православного общества**» [жирный шрифт авторский. – Н.П.]¹⁴.

Ранее было отмечено, что Шевченко высоко ценил религию, веру, христианство; однако, судя по дневниковым записям, он критически относился к русскому православию, считая его одним из механизмов царской внутренней политики, служивших средством порабощения многочисленных народов Российской империи, ср.:

Если не больше, так, по крайней мере, наполовину будет в нем [в Чебоксарах – Н.П.] домов и церквей. И все старинной московской архитектуры. Для кого и для чего они построены? Для чувашей? Нет, для **православия**. Главный узел московской старой внутренней политики – **православие**. Неудобозабываемый Тормоз по глупости своей хотел затянуть этот ослабевший узел и перетянул: он теперь на одном волоске держится [жирный шрифт авторский. – Н.П.]¹⁵.

⁹ Там же, с. 736.

¹⁰ Там же, с. 651.

¹¹ С.И. Ожегов. Словарь русского языка. [Online:] <<http://www.ozhegov.org/>> (01.08.2016).

¹² Т. Шевченко. *Кобзар. Вперше зі щоденником автора...*, с. 663.

¹³ Там же, с. 646.

¹⁴ Там же, с. 657.

¹⁵ Там же, с. 727.

Очевидно, в приведенном отрывке актуализированы смыслы ‘политика’, ‘влияние на других’, ‘давление’. Оксана Яковина и Александр Слободян отмечают:

Отношение Шевченко к Русской православной Церкви не было политическим, но было отношением верующего человека, выросшего в православной традиции. [...] Глубокая и духовно чистая вера, приобретающая более весомое значение для поэта после страданий ссылки, – реальное содержание Дневника и многих писем. Но в деспотическом государстве, где Церковь не имеет даже иерархической главы – патриарха, – а, значит, не является самоуправной, а вместо этого имеет не столько сакральное, сколько профанное идеологическое предназначение, – в таком государстве и в таком обществе вера становится угнетающей обязанностью, связанной с контролем жандармерии (политической полиции) [перев. автор. – Н.П.]¹⁶.

Во многих записях автор дневника неоднократно упоминает разные религиозные сооружения, поэтому лексемы-вербализаторы концепта ‘церковь’ употребляются достаточно часто. Примечательно, что Шевченко описывает в дневнике свои сны, неоднократно отмечая, что видел или же не видел в них храмов. Вероятно, на подсознательном уровне для него это было важно, тем более, что, согласно украинскому поверью, увидеть во сне церковь – к удаче¹⁷, ср.: «Видел во сне Межигорского Спаса, Дзвонковую криницю и потом Выдубецкий монастырь. [...] Скоро ли увижу все это я наяву? Сновидение имело на меня прекрасное влияние в продолжение всего дня [...]»¹⁸.

В приведенном отрывке вспоминается старинный Межигорский Спасо-Преображенский монастырь, находящийся неподалеку от Вышгорода, и Выдубицкий монастырь, которые Шевченко рисовал на протяжении «трех лет». Во сне, как что-то милое сердцу и желанное, он видит и храмы Петербурга, Вильно, ср.:

Видел во сне Академию художеств. [...] Из Академии я вышел на Большой проспект и, не доходя **церкви Андрея Первозванного**, встретился с семейством здешнего коменданта. И от радости проснулся¹⁹; **Видел во сне** Семена Артемовского с женою, выходящего от обедни из **церкви Покрова**; [...] Все, что сердцу дорого, сгруппировалось на этот раз в моем сновидении²⁰; **Во сне видел церковь** святых Анны в Вильне, и в этой **церкви** молящуюся милую Дуню, чернобровую Гусиковскую [жирный шрифт авторский. – Н.П.]²¹.

Во время путешествия из ссылки в Петербург Шевченко видит много религиозных сооружений. Об одних он отзывается в дневнике с восторгом, метафорически отождествляя их с красивым и модным человеком, напр.:

¹⁶ О.П. Яковина, О.Т. Слободян. *Тарас Шевченко. Істина – некомунікативна реальність*. Київ: Видавничий дім «Києво-Могилянська академія», 2013, с. 213.

¹⁷ Подробнее см.: Н. Піддубна. *Вербалізація концепту священнослужитель в українських на-ремях*. „Studia Ukrainica Posnaniensia” 2015, z. 3. Red. nauk. T. Kosmeda (Poznań), с. 221.

¹⁸ Т. Шевченко. *Кобзар. Вперше зі щоденником автора...*, с. 649.

¹⁹ Там же, с. 671.

²⁰ Там же, с. 700.

²¹ Там же, с. 719.

[...] **отправился** в Кремль **полюбоваться** вблизи **красавцем собором**. Он, как **щеголь** XVII века, **красуется в кружевах** перед всем городом²²; **Полюбовался** вычурно-грубой старой **архитектурой церкви Рождества Богородицы**, морского ведомства²³; Я вышел на берег и без помощи извозчика, мимо **красавицы XVII столетия, церкви св. Георгия**, поднялся на гору²⁴; **Старинные** нижегородские **церкви меня просто очаровали**. Они так **милы**, так **гармонически пестры...** [...] Рано поутру пошел в трактир, спросил себе чаю и нарисовал из окна **Благовещенский собор**. Древнейшая в Нижнем **церковь**²⁵; Пользуясь улыбкою осеннего дня, я после завтрака отправился к **Печерскому монастырю** с намерением нарисовать эту **живописную обитель** [жирный шрифт авторский. – Н.П.]²⁶.

Другие же его откровенно разочаровывают своим внешним видом или же внутренним убранством. Так, новый собор в Нижнем Новгороде Шевченко метафорически называет «огромная квадратная ступа с пятью короткими толкачами», ср.:

Новый **собор – отвратительное** здание. Это **огромная квадратная ступа с пятью короткими толкачами**. Неужели это дело рук Константина Тона? Невероятно. Скорее это произведение самого неудобозабываемого Тормоза²⁷; Из-за стены Кремля **показывает собор** свои **безобразные толкачи с реповидными верхушками** [жирный шрифт авторский. – Н.П.]²⁸.

Космеда отмечает, что, очевидно, и архитектуру русских городов в целом, и религиозные сооружения в частности, Шевченко «оценивает с учетом деятельности монарха, которого несколько раз называет перифразой *неудобозабываемый Тормоз*, актуализируя словосочетание из своего внутреннего лексикона, которое имеет резко отрицательную прагматику» [перев. автор. – Н.П.]²⁹.

Некрасиво и безвкусно отделанную церковь автор дневника пренебрежительно называет лексемой *капище*, что в христианстве традиционно обозначает, согласно *Полному церковнославянскому словарю*, «жертвенник, храм, высеченный из дерева или камня идол, идольский храм»³⁰, напр.:

Проходя мимо **церкви святого Георгия** и видя, что двери **церкви** растворены, я вошел в притвор и в ужас остановился. Меня поразило какое-то безобразное чудовище, нарисованное на трехаршинной круглой доске. Сначала я подумал, что это индийский Ману или Вишну заблудил в **христианское капище** полакомиться ладаном и деревянным маслом. [...] У меня не хватило духу перекреститься и войти **в церковь**; из притво-

²² Там же, с. 706.

²³ Там же, с. 709.

²⁴ Там же, с. 734.

²⁵ Там же, с. 736.

²⁶ Там же, с. 737.

²⁷ Там же, с. 734.

²⁸ Там же, с. 735.

²⁹ Т.А. Космеда. *Ego i Alter Ego Тараса Шевченка в комунікативному просторі щоденникового дискурсу...*, с. 260.

³⁰ *Полный церковно-славянский словарь*. Сост. протоиерей Г. Дьяченко. Москва: Издательский отдел Московского патриархата, 1993, с. 245.

ра я вышел на улицу, и глазам моим представилась, по темному фону широкого луга, блестящая, грациозно извивающаяся красавица Волга. Я вздохнул свободно, невольно перекрестился и пошел домой [жирный шрифт авторский. – Н.П.]³¹.

Здесь наблюдаем отрицательное восприятие определенного религиозного сооружения с актуализацией периферийной семы 'идолопоклонничество', усиленное контрастным восторженным описанием поволжских пейзажей; вербализацию проявления одной из позиций Шевченко касательно присутствия Бога в природе в большей степени, чем в некоторых церквях.

Автор дневника критикует преимущественно храмы византийской архитектуры:

Я не видал Кремля с 1845 года. [...] **Храм Спаса** вообще, а главный купол в особенности **безобразен**. Крайне неудачное громадное произведение. **Точно толстая купчиха в золотом повойнике** остановилась напоказ среди Белокаменной; Полюбовавшись старым красавцем Кремлем, прошел я **к юному некрасавцу Спасу**, с целью посмотреть скульптурные работы [жирный шрифт авторский. – Н.П.]³².

Исследователи отмечают:

В XIX веке Шевченко стал критиком уже опошленного на почве «местной» ментальности византийского обряда. [...] Византийский обряд идентифицируется не с православием, а с имперским значением византийства и выступает в Дневнике Шевченко антиэстетическим явлением. Религиозные процессии государственной Церкви, особенности российской культовой архитектуры, иконография и обрядовость российских староверов, в которых формируется стиль ритуала, нарушающего этически-эстетическое равновесие, вызывают отрицательную реакцию поэта на московский вариант византийского обряда [перев. автор. – Н.П.]³³.

Шевченко, как христианин, высоко ценит слово Божье, но не воспринимает чрезмерной загруженности разными предметами и архитектурными элементами русских церквей. Отсюда сравнение их с буддийскими храмами, напр.:

В **архиерейской службе** с ее обстановкою и вообще в декорации мне **показалось что-то тибетское или японское**. И **при этой кукольной комедии читается Евангелие**. Самое подлое противоречие. Нерукотворенный **чудовищный образ**, копия с которого меня когда-то испугала в церкви Георгия. **Подлинник** этого **индийского безобразия** находится в соборе и замечателен как древность. [...] Очень может быть, что это оригинальное **византийское чудовище** [жирный шрифт авторский. – Н.П.]³⁴.

Шевченко вербализует смыслы 'ненастоящий', 'наигранный', 'чужой', 'противоречивый', 'недопустимый'.

Поскольку главными трансляторами и проповедниками религии являются священники, непосредственно причастные к доминированию внешних атрибутов над истинными христианскими ценностями, Шевченко преимущественно

³¹ Т. Шевченко. *Кобзар. Вперше зі щоденником автора...*, с. 737.

³² Там же, с. 786.

³³ О.П. Яковина, О.Т. Слободян. *Тарас Шевченко: істина – некоммунікативна реальність...*, с. 79.

³⁴ Т. Шевченко. *Кобзар. Вперше зі щоденником автора...*, с. 777.

отрицательно вербализует концепт «священнослужитель», используя для этого несколько наименований. Заметим, что традиционно в украинской лингвокультуре, как свидетельствует паремийный фонд, образ священника изображается весьма критически, независимо от сана и конфессиональной принадлежности:

Он концептуализируется как жадный, неискренний, честолюбивый и сребролюбивый, равнодушный к человеческому горю и т.п. Наличие иронии в оценке как приходского священника и его жены попадьи, так и монаха, очевидно, объясняется тем, что в народном сознании их воспринимают прежде всего не как посредников между Богом и верующими, а как, собственно, грешных людей [перев. автор. – Н.П.]³⁵.

Положительно коннотированный лексико-семантический вариант лексемы *отец*, используемый для обозначения священнослужителя, отражает смысл «служитель церкви или монах, а также обращение к нему»³⁶ и используется для номинации священника собора в Астрахани:

[...] я пошел прямо в собор с целью встретить там **священника** и обратиться к нему с моей антикварской любознательностью. К счастью моему, я встретил самого ключаря собора **отца Гавриила Пальмова**.

После поздней обедни в соборе **обязательный отец Гавриил** показал мне ризницу собора, замечательную немногими, но по достоинству работы и старины весьма редкими вещами [жирный шрифт авторский. – Н.П.]³⁷.

Отметим, что это едва ли не единственный священник, о котором Шевченко отзывается без употребления отрицательно коннотированных эмоционально-экспрессивных лексем.

Диарист несколько раз употребляет народную отрицательно коннотированную лексику *поп*, выражающую, как и некоторые другие наименования (*церковь, дячиха, попик* и т.п.), минимальную степень христианско-религиозной оценки, в которой «отображается становление духовности человека, стремление к усовершенствованию души, праведной жизни (оценка религиозных, культовых сооружений, служителей церкви, предметов церковных обрядов и т. д.)» [перев. автор. – Н.П.]³⁸. Эта коннотация отчетливо видна в сравнении со стилистически нейтральными заимствованными каноническими терминами *священник, пресвитер, иерей* или народными положительно коннотированными *отец, батюшка*, напр.:

По дороге зашли в **Казанский собор** посмотреть картину Брюллова. Но, увы! Она так умно, удачно поставлена **премудрыми попами**, что и кошачьими глазами видеть ее невозможно. Отвратительно! [жирный шрифт авторский. – Н.П.]³⁹.

³⁵ Н. Піддубна. Вербалізація концепту священнослужитель..., с. 224.

³⁶ С.И. Ожегов. *Словарь русского языка*. [Online:] <http://www.ozhegov.org/> (01.08.2016).

³⁷ Т. Шевченко. *Кобзар. Вперше зі щоденником автора...*, с. 707–708.

³⁸ Т. Космеда. *Аксіологічні аспекти прагмалінгвістики. Формування і розвиток категорії оцінки*. Львів: ЛНУ ім. Івана Франка, 2000, с. 99.

³⁹ Т. Шевченко. *Кобзар. Вперше зі щоденником автора...*, с. 800.

Писатель иронично называет священников *премудрыми* (за их безвкусицу и неумение по-настоящему ценить шедевры искусства), активизируя соответствующие смыслы – ‘невежество’, ‘ограниченность’, ‘безвкусица’.

В иной дневниковой записи, актуализируя определенную дистрибуцию, Т. Шевченко вербализует такие смыслы образа-концепта ‘священнослужитель’, как ‘давление на других’, ‘порабощение’, ‘оболванивание’, ср.: «Дай Бог, чтобы он [Букварь] привился в нашем бедном народе. Это первый свободный луч света, могущий проникнуть **в сдавленную попами невольничью голову**» [жирный шрифт авторский. – Н.П.]⁴⁰.

Полна иронии и запись от 9 августа 1857 года, в которой юмористический эффект достигается благодаря столкновению разнородных в семантическом и стилистическом плане элементов, а именно лексем, называющих людей по роду деятельности, и контрастного им возвышенного описательного выражения со словами-старославянизмами. Например: «Публика рыночная, как и везде: **перекупки, повара и кухарки**; изредка попадает заплывшая **жиром купчиха-гастрономка** да такого же содержания **особа духовного чина, сугубо рачащая о плоти греховной**» [жирный шрифт авторский. – Н.П.]⁴¹. Диарист актуализирует смыслы ‘чревоугодничество’, ‘греховность’, ‘материальная заинтересованность’, категорически противоречащие официальному образу священника.

На чрезмерное употребление священниками алкоголя, их неопрятность указывает запись от 26 сентября 1857 года, в которой лексема, обозначающая священнослужителя, сопровождается определениями с отрицательной коннотацией – *пьяный, косматый*, напр.: «Древнейшая в Нижнем **церковь**. Нужно будет узнать время ее построения. Но от кого? К **пьяным косматым жрецам** не хочется мне обращаться, а больше не к кому» [жирный шрифт авторский – Н.П.]⁴².

Таким образом, в данном случае актуализируются смыслы ‘пьянство’, ‘неаккуратность’, ‘непривлекательность’. Примечательно, что в приведенном отрывке священник номинируется одним из лексико-семантических вариантов лексемы *жрец*, имеющей значение «в древних религиях: служитель божества, совершающий жертвоприношения и другие обряды»⁴³. То есть Шевченко как бы отрицает христианский характер действий священников, отождествляя их с язычниками.

Писатель с иронией отзывается и о высших церковных чинах – митрополите и архиерее. Так, 13 июля 1857 года он записывает свой сон: в компании с фельдмаршалом в Новопетровское укрепление осуществил визит и митрополит, которого поэт не увидел, чему был несказанно рад. Отметим, что это состояние, вероятно, связано с приметой (увидеть священника во сне – к неудаче, врагу), что зафиксировано, в частности, и в словаре *Галицько-руські народні приповідки*, составленном Иваном Франко⁴⁴, ср.:

⁴⁰ Там же, с. 757.

⁴¹ Там же, с. 706.

⁴² Там же, с. 736.

⁴³ С.И. Ожегов. *Словарь русского языка*. [Online:] <http://www.ozhegov.org/> (01.08.2016).

⁴⁴ Подробнее см.: Н. Піддубна. *Вербалізація концепту священнослужитель в українських пам'ятках...*, с. 221.

На рассвете **приснилось** мне, будто бы приехал в Новопетровское укрепление фельдмаршал Сакен вместе с другом своим **митрополитом киевским Евгением** и потребовал меня к себе. Но так как у меня не оказалось солдатского облачения, кроме шинели, и то без эполет, то, пока нашивали эполеты, **я проснулся и был сердечно рад этой неудаче** [жирный шрифт авторский. – Н.П.]⁴⁵.

Имплицитно свое отрицательное отношение к высшим духовным чинам Шевченко выражает при описании архиерейского сада и дома. Писатель использует систему отрицательно коннотированных лексем и выражений, а также называет *кельей* помещение, где жил архиерей. Это, собственно, и моделирует иронию, ведь название *келья* – «отдельная комната монаха (церк.)»⁴⁶ – употребляется применительно к маленькому, скромному помещению, ср.:

[...] мимоходом зашел в **архиерейский сад**. Это преимущественно липовая роща, обнесенная деревянным забором, посредине которой **красуется, вроде казармы, огромное трехэтажное здание (архиерейская келья)**. Невдалеке от здания, между деревьями, беседка с колоколами, и в другой стороне, также между деревьями, четыре улья, отделаны наподобие надгробных памятников. Везде **пусто и уныло, физическая гниль и нравственный застой** на всем отражается. **Скверно неудаче** [жирный шрифт авторский. – Н.П.]⁴⁷.

Таким образом, вполне очевидно, что автор дневника вербализует смыслы 'отсутствие вкуса', 'нескромность', 'внутренняя пустота'.

Шевченко критически оценивает священников всех времен и чинов. В частности, он остро осуждает даже Отцов Церкви за их нетерпимость к другим, вылившуюся в жестокие преследования. Для их характеристики поэт использует негативно коннотированную лексику и сравнения, напр.:

О святые, великие, верховные апостолы! Вы предрекли **лжеучителей**, и ваше пророчество сбылось. Во имя святое, имя ваше **так называемые учителя вселенские** подрались, **как пьяные мужики**, на Никейском вселенском соборе. Во имя ваше **папы римские ворочали** земным шаром и во имя ваше учредили **инквизицию** и ужасное **автодафе**. Во имя же ваше мы **поклоняемся** безобразным суздальским **идолам** и совершаем в честь вашу **безобразнейшую вакханалию неудаче** [жирный шрифт авторский. – Н.П.]⁴⁸.

Лексему *лжеучитель* для обозначения священников диарист употребляет как риторическое обращение и в другой записи, подчеркивая антигуманный, антихристианский характер действий высших духовников, ср.:

За моей памяти в Малороссии на могилах самоубийц совершался обряд, не менее поэтический и истинно христианский, который **наши высшие просвещенные пастыри** как обряд языческий **повелели уничтожить**. [...] И что языческое нашли вы, **лжеучители**, в этом христианском, всепрощающем жертвоприношении? [...] **Богомудрые пастыри** церкви к девятнадцатому веку стараются привить двенадцатый век. [...] Туркменцы

⁴⁵ Т. Шевченко. *Кобзар. Вперше зі щоденником автора...*, с. 682.

⁴⁶ Д.Н. Ушаков. *Толковый словарь русского языка*. [Online:] <http://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=84087>> (01.08.2016).

⁴⁷ Т. Шевченко. *Кобзар. Вперше зі щоденником автора...*, с. 738.

⁴⁸ Там же, с. 662.

и киргизы [...] в другую плошку днем наливают воду для птичек, чтобы птички, напившись воды, помолились богу о душе грешного и любимого покойника. Безмолвная поэтическая молитва дикаря, в чистоте и возвышенности которой **наши просвещенные архипастыри**, вероятно бы, усомнились и запретили бы как языческое богохуление **неудаче** [жирный шрифт авторский. – Н.П.]⁴⁹.

Как видим, приведенный выше отрывок дневника Шевченко пестрит наименованиями священников с актуализированной иронично-отрицательной коннотацией (*наши высшие просвещенные пастыри, богомудрые пастыри, наши просвещенные архипастыри, лжеучители*).

Таким образом, обобщая сказанное, отметим, что Шевченко в своем *Журнале* широко использовал религиозную лексику, своеобразно вербализуя некоторые религиозные концепты, в частности такие, как 'христианство', 'церковь', 'священнослужитель' и др. Благодаря умелому использованию языковых средств диарист как элитарная языковая личность расширяет семантику отдельных религиозных лексем и семантическое пространство концептов, «пропуская» их сквозь призму собственного мировоззрения.

Литература

- Космеда Т. *Аксіологічні аспекти прагмалінгвістики: формування і розвиток категорії оцінки*. Львів: ЛНУ ім. Івана Франка, 2000.
- Космеда Т.А. *Ego і Alter Ego Тараса Шевченка в комунікативному просторі щоденникового дискурсу*. Дрогобич: Коло, 2012.
- Ожегов С.И. *Словарь русского языка*. [Online:] <http://www.ozhegov.org/> (01.08.2016).
- Піддубна Н. *Вербалізація концепту священнослужитель в українських пареміях*. „Studia Ukrainica Posnaniensia” 2015, z. 3. Red. nauk. T. Kosmeda (Poznań), с. 217–224.
- Полный церковно-славянский словарь*. Сост. протоіерей Г. Дьяченко. Москва: Издательский отдел Московского патриархата, 1993.
- Ушаков Д.Н. *Толковый словарь русского языка*. [Online:] <http://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=84087> (01.08.2016).
- Шевченко Т.Г. *Кобзар. Вперше зі щоденником автора*. Упоряд. та комент. С.А. Гальченка; передм. І.М. Дзюби. Харків: Книжковий клуб «Клуб сімейного дозвілля», 2015.
- Яковина О.П., Слободян О.Т. *Тарас Шевченко. Істина – некомунікативна реальність*. Київ: Видавничий дім «Кієво-Могилянська академія», 2013.

⁴⁹ Там же, с. 684–685.